

Ван Дуо подняла голову и окинула взглядом окрестности. Лавка с лапшой процветала, почти все столики были заняты. Хозяйка как раз месила тесто, то и дело поворачивая голову, чтобы перекинуться парами слов с гостями, и, обернувшись, спросила:

— Шицзе, ты вечно ходишь сюда есть лапшу? Кажется, вы с хозяйкой очень близки...

— Ага, в последнее время я приходила сюда каждую ночь, ела лапшу семь дней подряд, вот и сошлась с хозяйкой, — пояснила Чу Ми, внутренне недоумевая: «Неужели она пялилась на меня только из-за этого?»

— Эта хозяйка выглядит совсем молодой.

— Да, ей, кажется, двадцать пять или двадцать шесть, родители оба умерли, так что она зарабатывает на жизнь этой лавкой. Сама она простая, душа нараспашку, отличный человек. Слышала, раньше свахи к ней зааживали, пытались сосватать, но она так ни на что и не согласилась. — Чу Ми скосила глаза на хозяйку лавки. — Одной девушке приходится нелегко.

— А почему она не соглашается? — Ван Дуо походила на непоседливого ребенка, засыпая ее вопросами, причем все они крутились вокруг хозяйки лавки.

Чу Ми прищурилась и с издевкой произнесла:

— Что, положила глаз на хозяйку лавки? Хочешь, я пойду и посватаю тебя? Как насчет того, чтобы взять ее в жены в качестве императорской супруги?

— Э-э, шицзе, что ты такое говоришь... — Ван Дуо перестала донимать Чу Ми расспросами и, подняв пиалу, сделала глоток горячего бульона, чтобы скрыть свое смущение. Проглотив его, она заметила, что Чу Ми разглядывает ее с головы до ног, а в глазах таится какая-то странная улыбка. От этого взгляда сердце у Ван Дуо замирало. Помедлив немного, она опустила пиалу, встала и пересела рядом с Чу Ми.

Раньше они сидели друг напротив друга, но теперь, стоило Ван Дуо сдвинуться с места, как они оказались на одной скамье. Хозяйка, обернувшись, увидела, что Ван Дуо уселась рядом с Чу Ми, и многозначительно улыбнулась: «А еще говорила, что не возлюбленный, вон уже рядышком сидят!» Она повернулась и принялась раскатывать скалкой приготовленное тесто в тонкие пласты.

— Есть что сказать — говори, чего к мне подседа? Тесноты не боишься? — заметив, что Ван Дуо пристроилась рядом, Чу Ми нарочно с видом брезгливости подвинулась. — Неужели все еще хочешь, чтобы шицзе, как в детстве, с ложечки тебя кормила и уговаривала поесть?

— Шицзе, сколько лет-то прошло! Зачем ты снова об этом! — Ван Дуо покраснела и пробормотала себе под нос: — Почему ты вечно считаешь меня ребенком?!

Как ни тихо она говорила, Чу Ми все равно расслышала:

— Ладно-ладно, больше не считаю тебя ребенком, ты уже взрослая! Тогда зачем ты ко мне подседа? Неужели и впрямь хочешь, чтобы я пошла сватать тебе хозяйку? — Чу Ми наклонила голову, подперла подбородок рукой, изогнула брови, а в ее глазах читалось чистейшее лукавство.

Спрятав руки под стол, Ван Дуо теребила край одежды, закусил губу и тихо позвала:

— Шицзе...

Придвинувшись к самому уху Чу Ми, она шепотом произнесла:

— Шицзе, кажется... я люблю девушек.

«Я люблю девушек... люблю девушек... девушек...» — слова Ван Дуо эхом отдавались в голове Чу Ми, и лишь спустя мгновение до нее дошел их смысл.

— Ты любишь девушек?! — Чу Ми вцепилась в край одежды и испуганно выпалила: — Т-ты, ты случайно не меня любишь?!

Когда Ван Дуо было восемь, Чу Ми уже знала о ее происхождении, и все те разговоры о сватовстве к хозяйке лавки были лишь шутками. Но сейчас, услышав, как Ван Дуо шепчет ей на ухо о любви к женщинам, она так испугалась, что выпалила это во весь голос.

Вокруг стоял шум, но вмиг воцарилась тишина. И посетители лавки, и сама хозяйка, услышав слова Чу Ми «ты случайно не меня любишь», уставились на их столик.

— Молодой господин, а совести-то хватает в таком юном возрасте в любви признаваться?

— Признание в любви — дело душевное! Разве можно вот так запросто признаваться в лавке с лапшой?

Хозяйку такое заявление задело за живое:

— А что не так с лавкой? Если признаваться в любви в моей лавке, это уже ниже вашего достоинства? Обязательно нужно под полной луной на берегу тихого озера, да? — С этими словами она ткнула пальцем в ночное небо, где висел серп луны. — Посмотрите-ка, полумесяц, да еще моя фирменная лапша для разбитых сердец — какая романтика!

Слушая пересуды зевак, Ван Дуо густо покраснела от стыда. Судорожно сжав руки, она тихо проговорила:

— Шицзе, ты все не так поняла, я... я люблю не тебя...

— Что? Не меня?! — Чу Ми никак не ожидала, что услышит нечто еще более невыносимое, чем признание Ван Дуо в любви к женщинам — то, что любимая женщина Ван Дуо вовсе не она. В этот момент ее сердце словно дважды пронзили кинжалом, от боли она потеряла дар речи.

Заметив, что окружающие по-прежнему пялятся на них, Ван Дуо поднялась и вернулась на свое прежнее место напротив, опустив голову и умолкнув. В прошлой жизни, после возвращения во дворец, они виделись с Чу Ми крайне редко, и до самой смерти она так и не призналась ей, что предпочитает женщин. Сегодня же, услышав вопрос хозяйки, принимает ли та шицзе за ее возлюбленную, Ван Дуо подумала, что наконец-то сможет рассказать о своих чувствах. Кто бы мог подумать, что ее шицзе отреагирует настолько бурно? Человек, столько времени странствовавший по миру Цзянху, разве не должен сохранять невозмутимость перед лицом любых неожиданностей?

Обе погрузились в долгое молчание, каждая думая о своем. Лишь когда хозяйка принесла лапшу, тишина была нарушена:

— Барышня Чу, господин, ваша лапша готова. — С этими словами она бросила взгляд на

пониющую Ван Дуо, мысленно решив, что та получила от Чу Ми от ворот поворот, и с видом умудренной опытом старшей сестры утешила: — Ты еще мал, погоди немного, подрастешь — тогда и добивайся расположения барышни Чу.

Сказав это, она развернулась и гордо удалилась, оставив за спиной величественный силуэт.

«Да что тут вообще происходит!» — мысленно вздохнула Ван Дуо. А слова хозяйки словно вонзили еще один кинжал в сердце Чу Ми: стоило им расстаться всего на год, как этот младший шиди, который вечно ходил за ней по пятам, уже нашел другую?

Заметив, что лицо Чу Ми выглядит не лучшим образом, Ван Дуо сглотнула слюну и робко пояснила:

— Шицзе, я... я никого другого не люблю.

После таких слов шицзе, наверное, перестанет сердиться.

Услышав это, Чу Ми сразу почувствовала себя намного легче — казалось, только что полученная рана вовсе не повредила ее стойкое сердце. Она взяла палочки, помешала лапшу, но вдруг снова подняла голову и спросила:

— Сяо Дуо, ты только что сказала, что любишь женщин. Это правда?

— Угу, — Ван Дуо на секунду замялась, кивнула, а во взгляде ее мелькнула тоска. Перед глазами встал образ Темного Облака, и в сердце невольно зародился вопрос: «Люблю ли я ее по-прежнему? Кажется, любовь не так-то просто выбросить из головы. Смогу ли я убить ее на самом деле?»

— Шицзе, неужели стоит полюбить человека, как он тут же становится твоей слабостью?

Брови Ван Дуо слегка сошлись на переносице. Она мягко положила палочки и посмотрела на Чу Ми. Ответ был очевиден, но ей все равно хотелось услышать его от шицзе. Свою боль она не могла доверить никому — казалось, лишь эта шицзе, проведенная с ней бок о бок все годы от трех до тринадцати лет, была ее единственным собеседником, которому можно было излить душу.

Рука Чу Ми, державшая палочки, на мгновение замерла, а затем на ее губах появилась легкая улыбка:

— Да, становится слабостью.

«Сяо Дуо, моя слабость — это ты», — мысленно добавила она. Чу Ми не до конца понимала природу своих чувств к Ван Дуо, но одно знала точно: какое место Ван Дуо занимала в ее сердце.

Ван Дуо опустила голову, погрузившись в тяжелые раздумья. Внутренняя борьба продолжалась, но в конце концов она все же задала вопрос:

— Шицзе, что нужно сделать, чтобы стать безжалостной?

— Безжалостной? — Чу Ми нахмурилась и озадаченно переспросила. В ее голове крутился вопрос: с чего вдруг Ван Дуо заговорила об этом? «Неужели она хочет научиться безжалостности?»

Ван Дуо не ответила, а лишь перевела тему:

— Давай есть лапшу, шицзе, она сейчас остынет.

С этими словами она взяла палочки, уткнулась взглядом в тарелку и принялась за еду, не смея больше поднимать глаз на Чу Ми.

Наблюдая за тем, как Ван Дуо усердно уплетает лапшу, Чу Ми вспомнила все десять лет, проведенных вместе, и знала характер младшей как свои пять пальцев. Очевидно, с ней что-то произошло, раз она стала такой непостоянной и недоговаривает то, что у нее на уме. Чу Ми едва заметно покачала головой, решив расспросить обо всем как следует ночью перед сном, и тоже принялась за лапшу, больше не говоря ни слова.

— Шицзе, где ты остановишься этой ночью? — неспешно прогуливаясь по направлению к постоялому двору после ужина, спросила Ван Дуо. — Остановишься в том же постоялом дворе, что и я, или у тебя другое место на примете?

Чу Ми остановилась и повернулась к ней. Заметив, что шицзе отстала, Ван Дуо сделала пару шагов назад и с легким недоумением спросила:

— Что такое, шицзе? Разве ты не со мной идешь на постоянный двор?

Чу Ми молча вглядывалась в лицо Ван Дуо. Выдержав долгую паузу, она наконец спросила:

— Сяо Дуо, ты убивала людей?

Услышав этот вопрос, Ван Дуо помрачнела, слегка опустила голову, но тут же снова подняла ее на Чу Ми, растянув губы в натянутой улыбке:

— Шицзе, к чему вдруг такие вопросы? Все эти годы мы были вместе со старшим братом Фаном, разве ты сама не знаешь лучше всех, убивала я кого-то или нет! А после ухода с горы Уя я сразу вернулась во дворец и больше ни разу не выбиралась в Цзянху.

— Сяо Дуо, как только ты убьешь человека, твое сердце ожесточится, — Чу Ми сделала пару шагов ближе, сократив расстояние до полушага, и посмотрела ей прямо в глаза. Ее голос звучал ровно и строго, без тени шутки. — Чем больше убьешь, тем безжалостнее станешь.

У Ван Дуо мгновенно защипало глаза. Охваченная глубоким чувством нежности и благодарности, она тихо позвала:

— Шицзе...

В ее голосе слышалась бесконечная привязанность. Теперь ей стало понятно, почему шицзе задала тот вопрос и почему произнесла эти слова — ведь это был в точности тот самый вопрос, который она сама задавала шицзе в лавке с лапшой! Ее шицзе помнила каждое ее слово.

Чу Ми протянула руку и потрепала Ван Дуо по голове:

— Сяо Дуо, скажи шицзе, почему ты хочешь стать безжалостной?

Глядя на выросшую выше нее Ван Дуо, она мысленно вздохнула: этот ребенок незаметно перерос ее, а мысли стали такими сложными, что их все труднее угадать. Совсем не то что раньше, когда достаточно было одного взгляда или движения, чтобы понять, о чем та думает. «Мы ведь расстались всего на год, почему же она так сильно изменилась?»

— Шицзе, я... — голос Ван Дуо сорвался на полуслове. В этот миг ей захотелось выложить перед шицзе все до единого, но... могла ли она? Оу Цюэду сжала руку Чу Ми, повернулась и повела её в сторону постоянного двора. Смотря прямо перед собой, она изо всех сил старалась не показывать старшей соученице, чьи глаза уже застилали слёзы:

— Страшная сестра, вот вернёмся в комнату, тогда я тебе всё-рассскажу, хорошо?

Почувствовав, что рука, державшая её собственный ладонь, слегка подрагивает, Чу Ми крепко сжала её в ответ:

— Сяо Ду, пока твоя старшая сестра рядом, что бы ни случилось, я во всём буду с тобой.

Год назад она тайком следовала за каретой Оу Цюэду, провожая её взглядом до самых дворцовых ворот. Смотря на высокие крепостные стены, Чу Ми понимала, что в этой жизни у них вряд ли выпадет много возможностей увидеться вновь.

И вот теперь Оу Цюэду неожиданно покинула дворец и направляется к горе Уя. Быть может, на этот раз ей удастся вернуться во дворец вместе с Оу Цюэду. Вспомнив слова Оу Цюэду о том, что ей нравятся женщины, Чу Ми чуть тронула губы улыбкой: теперь у неё появилась ещё более веская причина последовать за Оу Цюэду во дворец. Всю дорогу Чу Ми только и думала о том, как бы завести разговор и уговорить Оу Цюэду взять её с собой, и даже не догадывалась, что сама поездка за пределы дворца затевалась ради того, чтобы забрать её и защитить её матушку — благородную наложницу.

Стараясь не испугать хозяина постоянного двора и мальчишку-слугу ещё сильнее, Оу Цюэду, едва переступив порог, приобняла Чу Ми за плечи, загораживая её от посторонних глаз, и тихонько поднялась наверх. Хозяин постоянного двора бросил взгляд на прижимающихся друг к другу девушек, в его глазах вспыхнул хищный огонь, и он облизнул губы:

— Похоже, надо будет заглянуть в Лунный терем...

Поднявшись на второй этаж, они прошли напрямик в обычную комнату Оу Цюэду. Стоило им распахнуть дверь, как они увидели Оу Цюэду, сидевшую за столом и углубленную в чтение книги, и Ань Юнь, которая вертела в руках чайную пиалу.

— Вы... вы почему в моей комнате? — опешив, пробормотала Оу Цюэду, глядя на них, и мысленно порадовалась, что вовремя отпустила Чу Ми у входа на этаж — иначе, увидев, как она обнимает старшую сестру, императорская сестра наверняка бог весть что бы подумала.

— Наконец-то удосужилась вернуться? — Оу Цюэду бросила взгляд на Чу Ми, увлечшую её августейшую младшую сестру, отложила книгу и подняла глаза на Оу Цюэду. — Разве ты не с Ань Юнь уходила? Как ты могла бросить её одну?

Ань Юнь возвратилась на постоянный двор в одиночестве и, поднимаясь наверх, столкнулась с Оу Цюэду, которая как раз собиралась спуститься вниз и попросить слугу принести горячей воды. Заметив покрасневшие, явно заплаканные глаза девушки, Оу Цюэду решила, будто у Оу

Цзюэду что-то случилось, тревожно заглянула ей за спину, но не обнаружила рядом ни Оу Цзюэду, ни Чу Ми, и встревоженно спросила:

— Юнь-эр, что такое? Где Ду?

Её сердце колотилось от дурных предчувствий, страшно было представить, что с Оу Цзюэду приключилась беда.

— Она ушла есть лапшу со своей старшей сестрой, — глаза девушки снова покраснели, вид у неё был такой, будто её обидели хуже некуда.

— Разве она не брала тебя с собой? Почему опять бросила одну? — услышав, что Оу Цзюэду променяла Ань Юнь на Чу Ми ради какой-то лапши, Оу Цзюэду до боли закусил губу.

«Разве какая-то старшая сестра может быть ближе императорской сестры?! Стоило увидеть старшую сестру, как про императорскую и вовсе забыла! Раз уж я сказала, что не хочу есть, так она и уговаривать не стала? Могла бы хоть погулять со мной по городу!».

Стоило вспомнить, что Оу Цзюэду не сказала ей ни единого слова на прощание и просто молча проводила взглядом до комнаты, как на душе становилось весьма скверно.

— Ду-гэ вовсе не бросала меня, я сама вдруг передумала есть, — принялась защищать Оу Цзюэду Ань Юнь.

Но стоило ей это произнести, как неприязнь Оу Цзюэду к Чу Ми лишь усилилась.

— Хватит её выгораживать, разве я её натуры не знаю? Стоит ей завидеть эту так называемую старшую сестру Чу, как она расплывается в улыбке, точно мышь, унюхав мешок риса, — как тут не прилипнуть к любимой наставнице!

Оу Цзюэду изначально пыталась относиться к Чу Ми беспристрастно, но кто же знал, что эта Чу Ми посмеет увести её родную сестру!

Оу Цзюэду даже передумала мыться: подумав о том, что Оу Цзюэду по возвращении наверняка не станет её искать, она напрямик направилась в комнату Оу Цзюэду вместе с Ань Юнь — решила проверить, куда те собираются развлекаться с этой старшей сестрой, прежде чем соизволят вернуться. Ожидание затянулось на целый час, и от скуки ей оставалось лишь взять первую попавшуюся книгу.

— Лин У, мы с сестрой просто поели лапши на улице и сразу вернулись... — подразумевалось, что они вовсе не задерживались где попало.

Но ведь это её родная младшая сестра! Неужели пара лет заботы какой-то посторонней девчонки смогли превратить её в чужую сестру? Перед выходом из дворца обещала взять с собой на прогулку, а стоило встретить старшую сестру — тут же бросила её ради забавы с этой девицей! И ещё говорит, что просто поели лапши — разве можно есть лапшу больше часа?!

Оу Цзюнду изо всех сил подавила поднимающуюся ревность и, заметив, что на улице уже совсем стемнело и пора ложиться спать, с напускной заботой спросила:

— Ду, раз ты привела сюда свою старшую сестру, неужто ты собираешься...

«Неужто вы собрались спать в одной постели?! В детстве ведь ты всегда спала только у меня на груди! Такая крошечная, мягкая...»

— Сегодня ночью мы с сестрой ляжем вместе, — невозмутимо ответила Оу Цзюнду, словно делить постель со старшей сестрой было для неё самым привычным делом на свете.

— Нельзя! — подала голос Ань Юнь, до этого молчаливо и исподлобья наблюдавшая за Оу Цзюнду. Услышав о совместном ночлеге с Чу Ми, она испуганно вскинула голову.

Оу Цзюнду тоже в унисон выпалила «нельзя», после чего бросила взгляд на взволнованную Ань Юнь и повернулась к Оу Цзюнду:

— Как ты можешь делить постель со старшей сестрой? — осекшись, она скосила глаза на Чу Ми и продолжила: — Лучше пусть старшая сестра Чу ляжет в моей комнате. Мы обе девушки, а тебе неприлично ночевать с ней под одной крышей.

— Лин У, всё в порядке, я и раньше часто спала с сестрой вместе, — совершенно естественным тоном пояснила Оу Цзюнду. Каждую зиму Оу Цзюнду тайком пробиралась в комнату Чу Ми, чтобы улечься вместе. В трескучие морозы вдвоем куда теплее, к тому же Чу Ми знала её тайну — что она девушка, так что ни о каком смущении не было и речи. К тому же они оба были людьми вольными, не привыкшими стесняться по пустякам.

— Что ты сказала? А ну повтори! — похолодевшим голосом потребовала Оу Цзюнду, переполненная яростью, которую больше не в силах была сдерживать.

Глядя на едва сдерживающую гнев Оу Цзюнду, Оу Цзюнду наконец сообразила, что сболтнула лишнего. Испуганно семеня ногами, она спряталась за спину Чу Ми и захлопала глазами, глядя на Оу Цзюнду взглядом побитой собачонки, при этом украдкой теребя полу одежды Чу Ми в знак мольбы о заступничестве.

Чу Ми лишь усмехнулась уголками губ и с полуулыбкой посмотрела на Оу Цзюнду:

— Сяо Ду растёт со мной с малых лет, я считаю её родным человеком, так что ничего страшного в этом нет, — она перехватила всё ещё дёргающуюся руку Оу Цзюнду и крепко сжала её.

«С малых лет, родным человеком...» — мысленно повторила Оу Цзюнду, и сердце пронзила острая боль. Ведь это её родная младшая сестра, с которой они были разлучены с самого детства! Едва лишь в дни недавней болезни им удалось сблизиться, как откуда ни возьмись объявилась эта старшая сестра и бессовестно увела её сестру! А теперь эта девчонка при малейшей опасности прячется за спину Чу Ми — стоило взглянуть на самодовольное лицо Чу

Ми, как обида в груди вспыхнула с новой силой.

— Юнь-эр, пойдём, — поднялась на ноги Оу Циньду. — Не будем мешать их сестринскому единению.

С этими словами она направилась к выходу. Проходя мимо Оу Циньду, она заметила в её глазах искреннее раскаяние и уже хотела было что-то сказать, но боковым зрением увидела, как та крепко сжимает руку Чу Ми, и, передумав говорить лишнее, решительно вышла за порог.

Однако стоило ей переступить порог, как кто-то ухватил её за рукав. Опустив взгляд на тонкие пальцы, она сразу догадалась, чья это рука, и обернулась. Встретившись с сияющими улыбкой глазами Оу Циньду, она услышала её мягкий голос:

— Лин У, у нас с сестрой и правда есть о чём поговорить, всё совсем не так, как ты думаешь.

Она подалась вперед, и её губы коснулись уха опешившей Оу Циньду:

— Ты — самый близкий и дорогой мне человек, которому я доверяю больше всего.

Одного этого короткого слова хватило, чтобы на лицо Оу Циньду вновь вернулась улыбка. Чуть улыбнувшись, Оу Циньду произнесла:

— Раз так, тогда посиди со старшей сестрой, поболтай о былом.

Она капризно вздернула подбородок в сторону Чу Ми и легко, грациозной походкой удалилась.

В комнате, помимо Оу Циньду и Чу Ми, оставалась лишь Ань Юнь. Только что она была вне себя от волнения, но теперь стояла потупившись, молча и не глядя ни на кого.

— Юнь-эр, ты разве не собираешься к себе отдохнуть? — глядя на притихшую девушку, Оу Циньду почувствовала укол совести, но всё же вежливо выпроводила её.

— Ду, ты и вправду... неужели вы и правда будете спать вместе со старшей сестрой? — подняв глаза на Оу Циньду, стоявшую всего в паре шагов, тихо спросила Ань Юнь. Её руки были так крепко сжаты в кулаки, что ногти, казалось, впивались в ладони.

Услышав, как Ань Юнь называет её просто Ду, сердце Оу Циньду пропустило удар. По телу разлилось странное, незнакомое прежде чувство — совсем не то, что возникало, когда её так называла Оу Циньду.

— Почему ты больше не зовёшь меня братом? — вместо ответа на вопрос неожиданно переспросила она.

Ань Юнь покачала головой, закусил губу и снова опустила глаза.

Не дождавшись ответа, Оу Цяньду нахмурилась, шагнула ближе к девушке и легко вздохнула:

— Тогда ступай к себе, отдохни. Нам с сестрой пора спать.

Услышав столь прямолинейное предложение уйти, Ань Юнь со слезами на глазах, с опущенной головой молча, шаг за шагом, побрела из комнаты Оу Цяньду. Обернувшись ей вслед, Оу Цяньду увидела её потерянный, убитый горем вид, и сердце её сжалось от боли, но поделать она ничего не могла.

«Рано или поздно нужно учиться быть жестосердной».

— Эх, а эта Юнь-эр, похоже, равнодушна к тебе, — закрыв дверь и повернувшись к застывшей на месте Оу Цяньду, вздохнула Чу Ми.

«Равнодушна?» — мысленно переспросила себя Оу Цяньду. Девушка, которая всегда звала её старшим братом, вдруг перестала это делать и теперь обращается к ней просто по имени, точно так же, как Лин У. Оу Цяньду покачала головой и с лёгкой досадой ответила:

— Вовсе нет.

— Тогда почему она... — Чу Ми хотела было продолжить расспросы, но Оу Цяньду бесцеремонно перебила её:

— Старшая сестра, если ты продолжишь расспрашивать о ней, я пойду и верну её обратно!

Видя, что Оу Цяньду и впрямь сердится, Чу Ми оставалось лишь благоразумно замолчать.

<http://bllate.org/book/21756/2249742>